

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЛЕНОВ ИНИЦИАТИВНЫХ ГРУПП
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДЕЛ АРХИВА КОМИНТЕРНА)**

DOI: 10.25629/НС.2019.12.03

Ахрамович Н.В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В конце Великой Отечественной войны для помощи Красной армии в восстановлении советской зоны оккупации в Германии был подготовлен ряд немецких политических эмигрантов и военнопленных, составивших коллективы инициативных групп Коммунистической партии Германии (КПГ). На основе ранее не публиковавшихся справок, анкет, личных писем, хранящихся в личных делах посланцев КПГ в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), автор анализирует, какими характеристиками обладали члены групп; к какой деятельности их готовило советское руководство. При помощи методов просопографии и контент-анализа была выявлена специфика групп и роль отдельных членов. В статье показано, что политэмигранты и военнопленные прошли специальную подготовку в политшколах, имели схожее социальное происхождение, профессии, опыт работы в партии, что обуславливало малые различия между группами. Однако восприятие действительности посланцами КПГ было различным. На этой основе автор условно выделяет в их среде два типа людей – идеалистов, с энтузиазмом относившихся к работе в партийном аппарате, и скептиков, не желавших участвовать в политической работе как в период войны, так и после неё.

Ключевые слова: Восточная Германия, антифашизм, политэмиграция, военнопленные.

Введение

В рамках дискуссии о преодолении коммунистического прошлого предыстория ГДР - популярный сюжет исследований как отечественных, так и зарубежных специалистов. В последние три десятилетия пересматривается проблема восстановления политической жизни в советской зоне оккупации, так как данная тема является частью актуальных исторического и политического дискурсов на постсоветском пространстве. Обращение в современных исследованиях как к истории земель, так и небольших территориальных единиц Советской зоны оккупации, показывает, что мероприятия, проводившиеся членами Коммунистической партии Германии при поддержке Советской военной администрации, были направлены исключительно на установление просоветской диктатуры [1-2].

Недостаточно изученной в рамках данного периода послевоенной истории Германии остается проблема инициативных групп. Коммунистической партии Германии, известных более по именам их руководителей Вальтера Ульбрихта, Антона Аккермана и Густава Собботки. Отправленные в Восточную Германию 30 апреля, 1 и 6 мая 1945 г. эти подразделения, главной целью которых была помощь Красной Армии в восстановлении политической жизни советской зоны оккупации, находили подходящие антифашистские кадры, проводили денацификацию органов управления, создавали местные органы власти.

Краткий анализ литературы

В существующих работах по теме исследователи делают акцент на деятельности групп, не затрагивая личности участников и специфику их коллективов [3]. Так, в обстоятельном анализе, проведенном Петером Эрлером, содержательный акцент сделан на взаимодействии членов групп с местными антифашистами, социал-демократами и коммунистами. Автор выделяет в целом четыре коллектива политэмигрантов по поколениям и времени отправки в страну (старшее, проживавшее в СССР с 1920-1930-х гг; их дети; вернувшиеся в Германию в 1948-

1954 гг. и политэмигранты, уехавшие из СССР в 1930-е гг. и впоследствии классифицировавшиеся как «местные коммунисты» [3, s.242]), приводя лишь их количественную характеристику, но не рассматривая межличностные отношения [3, s.235-242]. К тому же в исследовании нет упоминаний о факте нахождения немецких военнопленных в составе групп. В свою очередь, согласно сохранившимся спискам отправленных в страну политэмигрантов и военнопленных [4, s.441], в первые два послевоенных месяца, можно отметить, что было пять групп, в которые, по подсчетам автора, вошли 153 человека. 30 апреля в Берлин уехала группа В. Ульбрихта, 1 мая в Дрезден – группа А. Аккермана, 6 мая в Штеттин – группа Г. Сobotтки, 28 мая группа П. Швенка отправилась в Берлин и группа Ф. Шелике – в Дрезден. Однако по местам назначения можно выделить в итоге три группы: две группы поехали в Берлин и в Дрезден, одна – в Штеттин. Отправка продолжалась и после 5 июля, но нет источников, кроме личных дел, доказывающих этот факт. В этой связи необходимо отдельно рассмотреть и сопоставить коллективы политэмигрантов и военнопленных, делая акцент на их социальных, возрастных, профессиональных характеристиках.

Источниковая база

Источниковую основу для исследования представляют личные дела 38 политэмигрантов и 49 военнопленных, которые были членами данных групп. Материалы хранятся в фонде 495, описи 205 «Личные дела членов Коммунистической партии Германии» в Российском Государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Дополнением к ним служат документы фонда 17 описи 128 «Отдел международной информации (Отдел внешней политики, Отдел внешних сношений, Внешнеполитическая комиссия)», а также немногочисленные письма и мемуары.

Следует отметить, что официальные архивные документы (справки и характеристики на членов групп) [5, д.70, л.157; д.11406, л.29; д.11608, л.21] [6, д.837, л.43.], служившие подтверждением надёжности отобранных кадров, отличаются особой стандартизованностью. Справка формировалась на основе автобиографии политэмигранта или военнопленного. Однако если в годы Большого террора акцент в справках делался на партийную деятельность человека, его связь с теми или иными политическими группировками, то в период Великой Отечественной войны основное внимание при её составлении уделялось социальному происхождению, политической деятельности, национальности, навыкам работы кандидата как пропагандиста, его поведению в годы войны. Как правило справка отправлялась в отдел кадров ИККИ.

Характеристика была «промежуточным звеном» в процессе отбора кандидатур. Она содержала личные впечатления о политэмигранте или военнопленном, изложенные учителями партийных или антифашистских школ – Келлером, Г. Грюнбергом, Н. Янценом, Г. Матерном. Данные документы помогали советскому партийному и военному руководству оперативно ориентироваться при составлении групп и работе с ними, но и дают возможность при помощи метода контент-анализа выявить роли, которые отводились отдельным посланцам КПГ.

Методы

В свою очередь просопографический подход, выбранный нами как основной для анализа данных источников и предполагающий сопоставление большого объема биографических данных, позволит понять специфику групп. Выделяя и сопоставляя однотипные характеристики членов коллективов (возраст, партийная принадлежность, профессия, образование и др.), автор определит средние для группы показатели и отводившуюся ей роль.

Планы формирования инициативных групп

Первые проекты отбора и создания групп для восстановления будущей советской зоны оккупации появились вскоре после Ялтинской конференции. В своей зоне Германии СССР предполагал использовать зарекомендовавших себя в антифашистской деятельности военнопленных и коммунистов-эмигрантов. Те и другие проходили подготовку в специальных школах, учебный план которых корректировался в зависимости от хода войны. Если с началом боевых действий ставилась задача разложения тыла противника и прекращения войны, и, соответственно, курсантов готовили к участию в партизанской и пропагандистской деятельности, то

с переходом Красной Армии в наступление на первый план стали всё больше выдвигаться задачи по переустройству послевоенной Германии, а в перспективе – создание рабоче-крестьянского государства.

Задачи и состав групп совместно продумывались советскими военными, руководством отдела международной информации ЦК ВКП (б) и лидерами КППГ.

Директивы, подготовленные для групп, предусматривали скорейшее налаживание послевоенной политической жизни в Германии в сотрудничестве с оккупационными войсками СССР. Согласно «Директиве для работы немецких антифашистов в оккупированной Красной Армией части Германии» от 5 апреля 1945 г., группам предписывалось: «восстановление порядка, создание условий для повседневной жизни населения, поддержка Красной Армии в ликвидации террористических и провокационных нацистских гнезд и в организации борьбы за политико-моральное искоренение нацизма, милитаризма из жизни немецкого народа», разъяснение населению, что приказы оккупационной власти служат их интересам, объяснение немцам их вины и ответственности за прошедшую войну [7, s.380].

Коммунисты понимали, что искоренение нацистской идеологии из жизни немцев, равно как и изменение их сознания, может занять довольно долгое время, поэтому задачи, поставленные перед группами, были нацелены на ближайшую перспективу – не допустить всплеска пронацистских настроений. Отправляемым в Германию группам предстояло наладить издание газеты «Дойче Фольксцайтунг» и антифашистско-демократической литературы. При этом ставилась задача очистки школ, библиотек, институтов от нацистской, милитаристской и реакционной литературы. Предусматривалось создание широких массовых организаций, целью которых должно было стать перевоспитание различных слоёв населения и объединение их вокруг коммунистов. Подобные задачи могли выполнить люди не только определённой политической принадлежности и с особым отношением к Коминтерну и СССР, но и с крайне необходимой для данной работы сплочённостью коллектива, которая обеспечивалась характеристиками членов.

Прежде всего кандидат должен был иметь марксистско-ленинскую подготовку и опыт партийной работы. Учитывалось, как проявил себя человек при обучении в партшколе; как выполнял партийные задания. Среди военнопленных необходимо было выбирать, согласно инструкции главы КППГ Вильгельма Пика, «сохранивших свои убеждения коммунистов и антифашистов, прошедших проверку на фронте и в лагерях» [4, s.137]. Важную роль играло социальное происхождение, родственные связи, профессиональные навыки.

Характеристики коллектива немецких политэмигрантов

Среди политэмигрантов были представители двух поколений: имевшие большой опыт революционной и партийной работы функционеры, бежавшие из фашистской Германии, и их дети, выросшие и воспитанные в СССР. Анализ анкет из личных дел, в которых указывался возраст членов групп, позволяет сделать вывод, что в процентном соотношении эмигрантов в возрасте от 35 до 55 лет было 70,8%, а 16,6% на тот момент исполнилось от 20 до 35 лет. Возраст 6 человек был от 55 до 70 лет, и четверых – 21 и 22 года. Средний возраст членов групп был 42-45 лет. В состав групп вошли 32 мужчины и 6 женщин, среди которых было 5 семейных пар.

По социальному происхождению 29 человек были выходцами из рабочих семей [6, д.720, л.12,15,17,18,19,22,23]. 9 вышло из семей инженеров, служащих, артистов, учителей. 2 воспитывались в мелкобуржуазных семьях [6, д.720, л.15,17,16,19,24,25]. Все политэмигранты были членами Коммунистической партии Германии. 19 имело рабочую профессию – автослесарь, слесарь, столяр, наборщик, токарь, судостроительный рабочий, рабочий-стекольщик, рабочий-текстильщик, кожевник, горняк и др. 22 человека из 38 имели советское гражданство, 14 были без гражданства, 2 человека оставались германскими подданными.

Политэмигрантов объединял опыт работы в КППГ и коммунистических организациях. Вступив в КППГ в 1920-х гг., они, как правило, работали в низовых парторганизациях, в профсоюзах, в редакциях революционных газет и журналов. У 17 из них в партийной биографии была борьба с троцкистами, сохранение членства в КППГ после партийных чисток, отсутствие партийных взысканий. В рамках сталинской системы это было признаком идеальной партийной

карьеру и как следствие надёжности человека. За плечами у 8 были подпольная антифашистская борьба или участие в боевых действиях в Испании, которые воспринимались посланцами КПГ как реванш за провал антифашистского сопротивления в Германии [8].

Представители *младшего поколения*, 4 личных дела которых сохранились, также работали в структурах Коминтерна, например, в ВЛКСМ или в Международной Организации Помощи Революционерам (МОПР). Идеологическую подготовку молодые политэмигранты проходили в политкружках при ЦК МОПР или в партийной школе Исполкома Коминтерна (ИККИ) в Кушнарёвском под Уфой.

Контент-анализ справок даёт возможность определить, к какой деятельности подготавливали политэмигрантов. В этих документах наиболее часто повторялись следующие характеристики: «политически грамотный» (17 раз), «преданный партии / делу» (10 раз), «дисциплинированный» (10 раз). Важное значение также имела и роль, отводившаяся политэмигрантам и которую можно определить из данных характеристик – политическая работа в стране.

Опыт жизни в СССР также был спланированным посланцев КПГ фактором. Политэмигранты оказались под влиянием советских культурных ценностей и русского образа жизни. Коммунистка Элли Шмидт, жена одного из лидеров КПГ Антона Аккермана, вспоминала: «летом, как и многие москвичи, мы жили на даче» [9, с.215]. Жилищные условия, русская кухня, оказали значительное влияние на политэмигрантов и сплотило не только друг с другом, но и с советскими людьми, которые стали им ближе, чем немцы. «Русские солдаты и девушки, насильственно увезённые в Германию, многие из которых всё ещё находились в Берлине, – они просто были мне ближе, так же как и антифашисты, с которыми я приехал» [10-11], – отмечал, приступая к работе в Германии в 1945 г., будущий глава разведки ГДР Маркус Вольф. Совместное обучение с советскими детьми обусловило в дальнейшем особую привязанность молодых политэмигрантов к русским людям и новой родине [12, с.107].

Несмотря на изменения в политике СССР, осложнившие пребывание политэмигрантов в стране (например, Пакт Молотова-Риббентропа) [10, с.31], эти люди продолжали сохранять верность новой родине. Например, с началом Великой Отечественной войны осознавая, что агрессором была Германия, политэмигранты, не перестав считать себя немцами, встали на сторону СССР. Так, служившие в редакции журнала «Иностранная Литература» Фриц Эрпенбек и Лилли Бехер очень эмоционально переживали начало войны. «Могли ли мы ожидать от своих детей, что они отличают антифашистов от фашистских убийц-захватчиков? <...> Мы все были так потрясены, что слёзы заволокли нам глаза» [13, с.287], – вспоминал Фриц.

Преданность СССР проявилась и в стремлении посланцев КПГ быть на фронте [14, с.186]; защите Москвы во время авианалётов [5, д.11608, л.14] или попытках деморализовать войска противника, проводя агитацию на линии фронта [6, д.720, л.19-20].

Анализ личных дел политэмигрантов показывает, что важнейшей характеристикой, сближавшей членов групп, были их образование и профессиональная принадлежность. Поскольку эмиссарам предстояло руководить созданием рабоче-крестьянского государства и главную опору своей будущей деятельности они видели в рабочих и крестьянах, то большинство из них – 37 человек – окончили только 8-летнюю рабочую школу и владели рабочими специальностями [5, д.57, л.51].

Пропагандистская работа со всеми слоями населения предопределила выбор людей с хорошими организационными и коммуникативными навыками, владеющих искусством убеждать и агитировать [6, д.720, л.15]. Коммунистов с хорошей дикцией, и актёрским талантом назначали на работу на радио [6, д.720, л.16]. Тем, кто владел хорошим слогом или обладал художественными способностями, поручали письменную либо художественную пропаганду [5, д.11406, л.8 об].

Социально-психологические типы политэмигрантов

Несмотря на единство коллектива политэмигрантов, обусловленного необходимыми характеристиками, у этих людей сохранялось и свое индивидуальное восприятие действительности. В этой связи можно условно выделить две категории «идеалистов» и «скептиков».

Идеалисты любили СССР, его людей, культуру. Они верили в положительные идеи о человеке и обществе, составлявшие основу социализма. «Во время моего путешествия меня всякий

раз поражало дружелюбие советского населения, его готовность помочь другому человеку. Конечно, и в Советском Союзе встречаются, как и в любой стране, жестокие люди и эгоисты, но большинство мужественно переносит свою судьбу и помогает тем, кто нуждается больше них. Во время этой поездки я ещё сильнее, чем раньше, проникся симпатией и уважением к людям, живущим в Советском Союзе. Мне кажется особенно важным подчеркнуть это именно сегодня, ибо, к сожалению, на Западе немало таких людей, которые совершенно несправедливо переносят своё отрицательное отношение к советской системе на население Советского Союза», – писал Вольфганг Леонгард [15].

Возможно причиной мировоззрения идеалистов являлась их относительно спокойная жизнь в Советском Союзе. Одни не знали правды и искренне верили в виновность репрессированных. Других лично и их близких репрессии не коснулись. Поэтому идеалисты не замечали недостатков системы. Воспоминания и интервью, данные ими уже после распада Советского Союза, не изобилуют резкими критическими замечаниями и отрицанием прошлой жизни.

В свою очередь скептики как свою работу, так и пребывание в Советском Союзе рассматривали как нечто преходящее, как фон, которому не придавали большого значения в системе жизненных приоритетов. Страх быть репрессированным заставлял их безукоризненно выполнять все приказы. Например, политэмигрант Оскар Штефан прибыл в Советский Союз в январе 1936 г. в возрасте 31 года. Несмотря на большой стаж работы в партии [5, д.10379, л.38], энтузиастом своего дела он не был. В партийной школе в Кушнаренково ему не нравилось: «Мне здесь нисколько не нравится, и не было бы здесь принуждения, то я давно бы уже вернулся к тебе» [5, д.10379, л.28], – писал он жене, – «Я не могу здесь ужиться. Может быть я сам виноват, а может быть мне только кажется, что я не имею такого широкого горизонта, как делают вид все другие здесь находящиеся. Во всяком случае я буду очень рад отсюда выбраться...» [5, д.10379, л.35]. Оскар не хотел ехать на работу в страну и был готов скорее уйти добровольцем на фронт [5, д.10379, л.35].

Другим примером стремления выжить в условиях советской системы был случай Отто Фишера. Партийный функционер прибыл в Советский Союз в 1931 г. по направлению ЦК КПП на работу в качестве машиниста-стенографиста. Проработав 11 лет в ИККИ, в октябре 1942 г. он был эвакуирован в Уфу [5, д.11583, л.19]. Однако его эвакуация была следствием доноса. Сотрудница административного сектора ИККИ сообщала, что О. Фишер в одиночестве в отеле «Люкс» стоял у открытого окна и «смотрел на территорию перед окном, где находится место падения бомбы и записывал что-то в тетрадку» [5, д.11583, л.44]. Именно после этого Отто был отправлен в Уфу [5, д.11583, л.20], где сразу же по прибытии уволен с работы. Однако политэмигрант не захотел мириться с новыми условиями жизни.

Сохранившиеся в личном деле письма свидетельствуют не только об отчаянной борьбе за нормальную жизнь, но и о хитрости, понимании немецкими коммунистами механизмов советской системы, о их нежелании поступиться своим привилегированным положением. Жена Фишера в письме к В. Ульбрихту жаловалась, что муж живет рядом с «контрреволюционно настроенными немцами Поволжья, которые обзывают его евреем и коммунистом», что нахождение среди подобных «враждебных Советскому государству элементов ... для преданного функционера с большим стажем самое худшее, что может быть» [5, д.11583, л.22]. В письмах к Вилкову сам О. Фишер жаловался на физическую работу и не желал оставаться в колхозе в Уфе в силу тяжелых жилищных условий для семьи. Он писал: «Я подчеркиваю еще раз, что работал в аппарате больше 11 лет и считаю, что нельзя так не учитывая этого поступать. Далее я не могу жить на 150 руб вместе с тремя членами моей семьи. Я знаю хорошо, что другие семьи (муж и жена) получают больше 200 руб. Спрашивается почему я получаю так мало» [5, д.11583, л.38], «а я Вам наперед скажу, что я для завода или фабрики на работу не годен, тело очень слабое, и не могу выдерживать. Я имею профессию канцелярского работника. Это тоже не просто ... Это увольнение с моей точки зрения тоже неправильно, все-таки надо разницу делать между теми, которые уже годы работают в этом аппарате» [5, д.11583, л.40]. Благодаря своей настойчивости, а также конъюнктурным соображениям руководства КПП и советских коммунистов, О. Фишер сумел добиться демобилизации из стройбатальона, а затем вылетел на работу в Германию.

Среди женщин также были подобные примеры. Например, Рейх (Вальд) Кэте. Еврейка по происхождению, гражданка СССР с 1936 г., стенографистка, как и Отто Фишер, Кэте имела обычную для политэмигрантки биографию. В октябре 1933 г. с разрешения КПП коммунистка приехала на работу в СССР. С ноября 1933 г. по июль 1937 г. работала в Службе Связи ИККИ. Как и в случае Отто Фишера характер политэмигрантки проявился в период эвакуации в Киргизию с октября 1941 г. Нежелание работать в колхозе в с. Полтавка К. Рейхе пишет письмо-стихотворение В. Ульбрихту, перечисляя все недостатки Киргизии и умоляя вернуть её обратно в Москву: «для нас солнце слишком жаркое», «население слишком враждебно настроено, и хуже всех молодежь, так что камни только и летят на нас градом, словно наши головы из железа. <...> «Бригада евреев» кричат часто нам вслед, что можно иногда подумать, что будто мы не в Советской стране» [5, д.5795, л.31].

Скептиком был и известный немецкий поэт Йоханнес Бехер, эмигрировавший с разрешения КПП в СССР и возглавлявший немецкую секцию в Союзе Советских писателей. Если выросший в СССР М. Вольф в интервью 2006 г. говорил: «Конечно, у меня было чувство Родины. ...здесь сыграла роль школа Кушнаренково, которая вернула меня к немецкому мышлению, так же как и последующая работа на «Дойчер Фольксандер» [10, с.190]. То Й. Бехер ощущал себя только немцем все 12 лет, прожитых в Советском Союзе, что отражено в его личном деле: «Незнание и нежелание изучать русский язык мешало ему правильно по-настоящему понять советскую культуру. ... Сильно подвержен немецкому национализму, что часто сказывалось на его произведениях, в особенности, поэтических (книга сонетов, изданная в 1940 г.)» [5, д.29, л.93]. Обладая организаторским талантом, Бехер сплотил писателей вокруг издательства, и своими произведениями, изданными в годы войны, зарекомендовал себя как антифашистский писатель [5, д.29, л.93]. Писатель пытался отстраниться от участия в показательных процессах над «врагами» КПП и СССР. Так, он сбежал с голосования во время процесса против троцкистско-зиновьевского центра из Союза писателей, что впоследствии назвал тяжёлой политической ошибкой [5, д.29, л.126]. В 1942 г. он даже попытался совершить самоубийство [5, д.29, л.99].

Стоит отметить, подобные кадры вполне устраивали лидеров КПП и советских руководителей. Пытавшиеся спасти свою жизнь и своих близких, умевшие приспособиться или угодить начальству не вызывали опасения.

Коллектив немецких военнопленных

Средний военнопленный – член инициативной группы был более молодым – его средний возраст составлял 32 года. Из 49 военнопленных 32 (65,3%) были в возрасте 20-35 лет, 17 человек (34,69%) – старше 35. Военнопленные старше 55 лет в Германию не поехали. 41 человек был выходцем из рабочей семьи и 26 человек имело рабочую профессию [6, д.720, л. 49-51].

По политической принадлежности коллектив военнопленных был неоднороден. Условно можно выделить две группы. К первой относились бывшие (до 1933 г.) члены КПП или продолжавшие нелегальную борьбу до принудительного вступления в нацистскую армию (24 человека); ко второй – нацисты, разочаровавшиеся в плену в фашизме и ставшие фактически приверженцами коммунистической идеологии (10 человек), а также лица, указавшие в своих анкетах отсутствие членства в какой-либо партии (14 человек).

Члены первой группы участвовали в жизни партии до войны в Германии или проживали в СССР и были зарегистрированы в ИККИ [5, д.11849, л.8].

Вторую группу составляли разочаровавшиеся в нацизме военнопленные. В справках на отправленных в Германию военнопленных-антифашистов 10 раз встречается запись об их членстве в нацистских организациях [5, д.720. л. 51, 49, 50]. По-видимому, с одной стороны, компартии не хватало людей для работы в стране. С другой стороны, хорошо знакомые с нацистской идеологией, изменившие свои взгляды военнопленные могли быть очень полезны в работе с местным населением в Германии. Собственным примером они могли оказать влияние на своих соотечественников и содействовать перевоспитанию немецкой молодежи. К тому же все рекомендованные являлись членами Национального Комитета «Свободная Германия».

В свою очередь преподаватель Центральной антифашистской школы в Красногорске Г. Хоффман, лично имевший дело с военнопленными-антифашистами, разделил их на три группы.

Тех, кто сумели стать честными антифашистами и остались преданы своим убеждениям; бывших ярких фашистов, присоединившихся к Национальному комитету «Свободная Германия», скрепя сердце и преодолевая свой внутренний конфликт, и, наконец, тех, кто приспособивались, чтобы как можно комфортнее перенести плен [16, с.80].

В отличие от политэмигрантов, военнопленным отводилась роль пропагандистов среди населения послевоенной Восточной Германии. В характеристиках на них наиболее часто повторялись следующие заключения: «имеет организаторские, пропагандистские способности» (20 раз), «активный» (14 раз), «честный» (15 раз).

Характеристики групп

В целом, характеристики инициативных групп, восстановленные по доступным архивным материалам, показывают, что самой важной группой была первая, под руководством Вальтера Ульбрихта. Об этом свидетельствовало в первую очередь, что политэмигранты, вошедшие в её состав, были опытными функционерами. Их средний возраст был самым высоким в сравнении с политэмигрантами остальных групп – 44 года. 7 из них происходили из рабочих семей, один человек имел высшее образование. Однако только трое человек из группы были уроженцами Берлина. На военнопленных, вошедших в группу Ульбрихта, было найдено только 4 дела. Среди них не было ни одного уроженца Берлина, их средний возраст составил 35 лет, что было также более высоким, чем для членов других групп, показателем. Двое были рабочими. Один из них происходил из рабочей семьи, являлся членом КПГ и добровольно сдался в плен. Двое происходили из семей служащих, один – из мелкобуржуазной семьи. Трое из них являлись беспартийными. Один из военнопленных служил кадровым офицером санитарной службы.

Однако социальные и профессиональные характеристики членов всех групп создавали значительную схожесть между ними.

Так, ядро второй группы под руководством А. Аккермана также составили опытные функционеры. Найденные данные на 6 эмигрантов демонстрируют, что средний возраст участников второй группы был 42 года, 5 вышли из рабочей среды, один являлся сыном партийного функционера. 4 владели рабочими профессиями, один был учителем. Однако в отличие от состава первой группы среди политэмигрантов группы Аккермана не было уроженцев города, в который их отправляли на работу. На военнопленных, включенных во вторую группу, удалось найти 5 дел. Средний возраст членов группы составил 34 года. 4 военнопленных происходили из рабочих семей, один – из семьи служащего. Двое владели рабочими профессиями, один имел высшее образование, один – незаконченное высшее. Один из военнопленных был коммунистом, один состоял в Гитлерюгенде, один являлся беспартийным и один до 1933 г. состоял в КПГ. Только 1 военнопленный был родом из Саксонии, куда направлялась группа.

На участников третьей группы, направленной в Штеттин, были найдены 9 характеристик эмигрантов и 1 дело военнопленного. Среди них не оказалось ни одного уроженца этого города. Средний возраст эмигрантов составил 43 года. Среди эмигрантов 7 были выходцами из рабочих семей, 4 владели рабочими специальностями.

Для характеристики четвертой группы, отправленной в Берлин, было найдено 5 личных дел эмигрантов и 24 военнопленных. Средний возраст эмигрантов был около 40 лет. Трое из них выросли в рабочих семьях. Средний возраст поехавших в Берлин военнопленных составил 31 год. Найденные данные на 24 пленных свидетельствуют, что 9 из них добровольно сдались в плен либо сами перешли на сторону Красной Армии или партизан. 22 человека являлись выходцами из рабочих семей, один – из мелкобуржуазной. Только трое до войны учились в высших учебных заведениях и не закончили образование. 19 человек владели рабочими специальностями. Среди отправленных в четвертой группе был врач, инженер, бухгалтер. 5 человек из группы в прошлом были членами Гитлерюгенда, 13 – комсомольцами и коммунистами.

Пятая группа, отправленная в Дрезден, также включала опытных партийных функционеров. Из найденных автором дел 4 эмигрантов, ни в одном не указано, что это были уроженцы или проживавшие до войны в Саксонии. Средний возраст эмигрантов составлял 43 года. Все четверо происходили из рабочей среды. Среди найденных дел 13 военнопленных только одно составлено на военнопленного, родившегося в Дрездене. Их средний возраст составлял 30 лет.

11 человек выросли в семьях рабочих, 7 были обладателями рабочих профессий. 12 человек были взяты в плен и 1 перебежал на сторону противника. 3 состояли в Гитлерюгенде, 4 характеризовались как беспартийные. 5 являлись членами КПГ.

Заключение

Подводя итог, несмотря на малую выборку, можно утверждать, что инициативные группы КПГ мало отличались друг от друга и должны были выполнять похожие функции – восстанавливать политическую жизнь Восточной Германии. В этой связи их членами были политэмигранты, имевшие значительный опыт политической работы. Средний возраст политэмигрантов всех групп превышал сорок лет. Таким образом, эти люди были не только активными участниками антифашистской борьбы в годы Великой Отечественной войны, но и имели опыт партийной работы в своей стране. Военнопленным, средний возраст которых был около сорока лет, отводилась роль пропагандистов. Все члены групп были убежденными антифашистами, что подтверждалось многолетней партийной работой или добровольной сдачей в плен и антифашистской работой в лагерях. Как политэмигранты, так и военнопленные были в большинстве выходцами из рабочего класса, имевшими рабочую специальность и окончившими 8-летнюю народную школу. Однако значительным недостатком устройства групп было то, что члены не знали местности, в которую отправлялись. Ликвидация подобного просчета должна была быть достигнута при помощи советских военных, которые координировали деятельность групп.

Литература:

1. Brunner D. Der Schein der Souveränität. Landesregierung und Besatzungspolitik in Mecklenburg-Vorpommern 1945-1949. Köln, Weimar, Wien. 2006. 447 s.
2. Rick S. Die Entwicklung der SED-Diktatur auf dem Lande. Die Landkreise Liebenwerda und Schweinitz in der Sowjetischen Besatzungszone 1945-1949. Göttingen, 2016. 586 s.
3. Erler P. «Moskau-Kader» der KPD in der SBZ // Anatomie der Parteizentrale: die KPD/SED auf dem Weg zur Macht. Berlin, 1998. S.229-291.
4. Keiderling G. «Gruppe Ulbricht» in Berlin, April bis Juni 1945: Von den Vorbereitungen im Sommer 1944 bis zur Widergründung der KPD im Juni 1945. Berlin, 1993. 766 s.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.495. Оп.205.
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.128.
7. Nach Hitler kommen wir: Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944-45 für Nachkriegszeit. Berlin, 1994. 427 s.
8. McLellan J. 'I Wanted to be a Little Lenin': Ideology and the German International Brigade Volunteers // Journal of Contemporary History. Vol.41, No.2 (Apr., 2006). P. 287-304.
9. Schmidt E. Den Tag des Sieges erlebte ich in Moskau // Im Zeichen des roten Sterns. Erinnerungen an die Traditionen der deutsch-sowjetischen Freundschaft. Berlin, 1974. S.205-220.
10. Вольф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. 392 с.
11. Шютт Х.-Д., Примаков Е.М. Маркус Вольф. Последние беседы (сборник интервью). М., 2008. 270 с.
12. Ватлин А.Ю., Мусиенко Н.С. Репрессированная школа: история немецкой школы им. Карла Либкнехта (1924-1938). М., 2014. 239 с.
13. Erpenbeck F. Vorhang auf. Anekdoten und Geschichten. Berlin und Weimar, 1964. 357 s.
14. Grünberg G. Kumpel, Kämpfer, Kommunist. Berlin, 1977. 348 s.
15. Леонгард В. Революция отвергает своих детей. London, 1984. URL: <http://www.rulit.me/author/leongard-volfgang/revolyuciya-otvergaet-svoih-detej-download-free-252375.html> (дата обращения: 09.09.2018)
16. Hoffmann H. Moskau Berlin. Erinnerungen an Freunde, Kampfgenossen und Zeitumstände. Berlin, 1989. 358 s.

Ахрамович Наталья Владимовна. E-mail: Impeccable434@yandex.ru

Дата поступления: 11.10.2019

Дата принятия к публикации 10.12.2019

**COLLECTIVE PORTRAIT OF MEMBERS OF THE INITIATIVE GROUPS OF THE
GERMAN COMMUNIST PARTY
(ON MATERIALS OF PERSONAL AFFAIRS OF THE COMINTERN ARCHIVE)**

DOI: 10.25629/HC.2019.12.03

Akhramovich N.V.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. At the end of World War II, a number of German political emigrants and prisoners of war were prepared to help the Red Army in restoring the Soviet zone of occupation in Germany, which formed the teams of the initiative groups of the Communist Party of Germany (KPD). Based on previously unpublished references, questionnaires, personal letters stored in the personal files of the KKE envoys in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the author analyzes what characteristics the members of the groups had; what activities did the Soviet leadership prepare for. Using prosopography and content analysis methods, the specificity of groups and the role of individual members were revealed. The article shows that political emigrants and prisoners of war underwent special training in political schools, had similar social background, professions, experience in the party, which caused small differences between the groups. However, the perception of reality by the messengers of the KKE was different. On this basis, the author conditionally distinguishes two types of people among them - idealists who were enthusiastic about working in the party apparatus, and skeptics who did not want to participate in political work both during the war and after it.

Keywords: East Germany, anti-fascism, political emigration, prisoners of war.

Akhramovich Natalia Vadimovna. E-mail: Impeccable434@yandex.ru

Date of receipt 11.10.2019

Date of acceptance 10.12.2019